

* * *

В домотканой деревне над Пижмой-рекой
Было шумно когда-то, а нынче — покой.
Есть сироты у ней, а самой её нет,
Не отыщет её никакой Интернет.
Позабыли давно бобыли-тополя
Новоселья, гулянья, ржаные поля...
Так случилось: деревню сберечь не смогли
Ни вожди и ни дети колхозной земли.
Сорвались из неё мы, как птицы с гнезда,
Не гадая, вернётся ли кто и когда.
Я — со всеми. Грешён. Епитимьей моей
Пусть зачтётся сыновняя память о ней.
Возвращаюсь я к ней постоянной скворца,
В мой скворечник пустой, в дом осевший отца.
В сказке детства, в забытом родимом краю
Я пока ещё черпаю силу свою.
А когда подойдёт предназначенный час —
Устремится душа, где бывала не раз.
И найдёт, наконец, она вечный покой
В домотканой деревне над Пижмой-рекой.

ХОЗЯИН И ГОСТЬ

Под вечер в осеннем лесочке
Вдали от людей и идей
В тиши колдовал я у кочки
Над дюжиной белых груздей.
И только поднялся — о боже,
Не чудо ли это со мной?
Навстречу шагает... и кто же? —
Топтыгин, хозяин лесной!
Лохматые лапы огромны —
Походка, на диво, легка.
Такой пикадор, за полтонну,
Без пики уложит быка.
Но сам не об этом он думал
И крови ничьей не хотел,
Задумчиво шёл он без шума
И только под ноги глядел.
В глазах его, грустных и строгих, —

Ни тени коварства и зла,
Знать, злоба совсем не в берлогах,
А в душах людей проросла.
Я хрустнул, ступая в сторонку,
А Миша, маневры открыв,
Дал тягу и фыркнул негромко,
Про все политесы забыв.

“АДЛЕР-ВОРКУТА”

Не казак я, но всё-таки вольный:
Больше ты не увидишь меня,
Как не видят глубинные волны
Луч закатный угасшего дня.
Встреча в поезде — это прощанье
Под вагонные стуки и дрожь.
Наша жизнь есть роман без названья,
Где конец на начало похож.
Я сойду в моей Вятке с рассветом,
И милее мне родины нет,
А тебя позабавит сонетом
И другой, не из вятских, поэт.

ПЕТЬКА-ТАБАКУР

Лихой табакур был в деревне Кирилл.
Саксонский табак он сажил и курил.
С достоинством князя носил наш сосед
Кресало, кремь и красный кисет.
Сын Яша, постарше, курил, как отец.
За братом тянулся Петро-сорванец.
И стал он завидовать старшим тайком,
Что каждый по грядке имел с табаком.
Тут враг саранчой налетел на страну —
Пошли, как один, мужики на войну,
Чтоб прахом развеять фашистскую рать,
Чтоб шапками фрицев к зиме закидать.
И вот, самокруткой дымя, словно печь,
Завёл как-то Петька зауменную речь:
“Есь будет наш тятка, как все, на войне
И тяткина грядка достанется мне!”

И верно: лишь начал стеблиться табак,
 Забрили Кирилла и сразу — под флаг!
 Опешил Петруша: “А если — того...
 И Яшку-братуху возьмут моего?”
 И что же? Чуть-чуть табачок не доспел —
 Повестка! И сын за отцом полетел.
 Три года родные молились за них.
 Три года Петруня курил за троих.
 Они же с боями от города Клин
 К Германии вышли. Сдавайся, Берлин!..
 Но в братской могиле отметят они
 Паденье Берлина в весенние дни...
 Шатало Петра, но Петро устоял,
 Он бросил курить и махорку раздал.
 Со всеми простившись, ушёл налегке
 На вольный большак по-за Пижме-реке.
 Легка была ноша: ведь взял наш сосед
 Лишь кремьень, огниво да старый кисет.

КОЛОКОЛЬЧИК

Распрямись, цветок усталый,
 Вижу я твои уловки:
 Всем киваешь разудалой
 Легкомысленной головкой.
 Скоро здесь пройдёт соседка
 В жёлтом бархате и брошке.
 Сноп цветов у той кокетки
 Сеном сохнет на окошке.
 Выше голову, малютка:
 Я войду с тобою в долию.
 Я не прочь бы на минутку
 Умереть в такой неволе.
 Вон мучительница наша —
 Рысь в душе, а вид голубки.
 Поискать на свете краше:
 Что за глазки, что за губки!
 Но плутовка жёлтой тучкой
 Проплыла неспешно рядом,
 Не кивнув, не сделав ручкой
 И не ранив карим взглядом.

ПОДНИМАЙ ЯКОРЯ!

Есть поле ржаное, оно колосится, —
 Но только, куда ни взгляни,
 Везде, как на дереве чёрные птицы,
 В колосьях — рожки спорыньи.
 Есть дуб на холме — украшение равнины,
 Да полчища диких свиней
 Уже не шадят, ошестинивши спины,
 Ни желудей, ни корней.
 Есть чудо-жемчужница в море безбрежном
 В неё расхититель проник,
 Его беспощадные зубы и клешни
 Почти разорили тайник.
 Читатель, любую из трёх аллегорий
 Ты к Родине нашей сведёшь:
 И дуб на горе, и жемчужницу в море,
 И в поле кормилицу-рожь.
 Да ей бы под стать лесника, агронома,
 Такого б морского царя,
 Чтоб двинуться с места. Нельзя по-иному,
 Эй, там, поднимай якоря!

